

Д Ж У Л И Л И Т К О Т Т - Х Е Й М С

ОТПУСТИТЕ ИХ

КАК ПОДГОТОВИТЬ ДЕТЕЙ К ВЗРОСЛОЙ ЖИЗНИ

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
ЧАСТЬ I. ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ СЕЙЧАС	
1. Сохранить ребенка целым и невредимым	21
2. Предоставить возможности	40
3. Быть наготове	55
4. Гонка при поступлении в колледж	67
5. Ради чего?	85
ЧАСТЬ II. ПОЧЕМУ НУЖНО ПРЕКРАТИТЬ ГИПЕРОПЕКУ	
6. Детям не хватает базовых жизненных навыков	91
7. Ущерб детской психике	101
8. Зависимость от «лекарства для учебы»	117
9. Удар по карьерному росту	123
10. Гиперопека утомляет и родителей	134
11. Порочный процесс приема в вуз	144
ЧАСТЬ III. ДРУГИМ ПУТЕМ	
12. Аргументы в пользу другого пути	159
13. Дайте ребенку свободное время	167
14. Помогите овладеть жизненными навыками	179
15. Научите детей думать	194
16. Подготовьте ребенка к труду	214
17. Пусть дети сами начертят свой путь	231
18. Научите детей спокойно воспринимать трудности	249
19. Шире смотрите на колледжи	266
20. Слушайте ребенка	287

ЧАСТЬ IV. РЕШИТЕСЬ ВОСПИТЫВАТЬ ПО-ДРУГОМУ

21. Верните свое «я»	301
22. Будьте таким родителем, каким хотите	312
Заключение	329
Благодарности	333
Об авторе	336
Примечания	337

ЧАСТЬ I

ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ СЕЙЧАС

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

СОХРАНИТЬ РЕБЕНКА ЦЕЛЫМ И НЕВРЕДИМЫМ

КАК ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ

Детство — самая изученная фаза жизни человека. Книги о воспитании занимают внушительных размеров стеллажи в любом приличном книжном магазине. И любой небезразличный родитель (а мы *все* небезразличные) неизбежно приходит к выводу, что он обязан заботиться о безопасности и благополучии детей. Это основа. Это биология.

В детском альбоме моего сына Сойера есть одна фотография: он готовится съехать с горки, глядит в сторону и не улыбается. Ему тогда было семь месяцев. Камера запечатлела только малыша, но я помню, что за кадром я крепко его держала.

В тот день мы с Сойером впервые пошли в парк, он первый раз прокатился с горки, и когда я смотрю на фотографию, то будто слышу, как мы с мужем приговариваем: «Не бойся, сынок. Мы рядом». Правда, по лицу ребенка видно, что получалось у нас не очень убедительно.

Снимок заставляет меня вспомнить, как я боялась, когда мой мальчик оказался на верхушке той маленькой горки. Она была высотой всего метр с небольшим, и мы страховали его с обеих сторон, но я все равно нервничала. Вдруг Сойер испугается даже такого маленького расстояния? Вдруг внизу он выпадет за пределы резинового покрытия и ушибет голову? Вдруг ему не понравится кататься, а мы можем — и *должны* — это предотвратить?

Прошло много лет, и теперь, когда я удобно устраиваюсь в кресле, а Сойер рассматривает свои первые фотографии, страх в его глазах уже не кажется мне его страхом. Сейчас я думаю: может быть, он просто копирует то, что видит в глазах папы и мамы? Как родителю перейти от желания полностью защитить младенца к готовности отпустить его в большой мир?

ПРЕДОТВРАТИТЬ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

При изобилии современных технологий кажется, что можно полностью предотвратить любой физический вред ребенку. Мы верим в свои силы и сделали мир гораздо более безопасным, предсказуемым и добрым по отношению к детям. Все начинается еще в утробе, со всестороннего контроля беременности, а после родов ребенок попадает в дом, который полностью приспособлен к тому, чтобы он чувствовал себя там в безопасности.

Мир за порогом тоже стал для детей намного безопаснее. С 1978-го по 1985 год во всех штатах вступили в силу законы об обязательном использовании детских сидений в автомобилях, а вскоре последовало требование пристегивать ремни¹. Это стало похоронным звоном для драгоценных вольностей, например, поиграть в багажнике семейного пикапа, но цель — спасение детских жизней — оправдывала средства. В то же самое время Американский национальный институт стандартов принял первый в мире стандарт для велосипедных шлемов, и к 1994 году больше трети населения страны обязали их надевать. Из стремления защитить детей шлемы и щитки стали надевать и при катании на роликовых и обычных коньках, скейтбордах и так далее. Без сомнения, эти законы и правила спасли не одну жизнь.

Однако мы, родители, сделали следующий шаг и сами стали бамперами и перилами, отгораживающими детей от внешнего мира, как будто ребенок в полной безопасности только рядом с нами. Я недавно об этом думала, наблюдая, как мама с ребенком переходят улицу. Это могло произойти в любом городе, большом или маленьком. Женщина уверенно шла через дорогу. Ее сын лет восьми шел на шаг позади в наушниках-вкладышах, уставившись в мобильный телефон. Мама посмотрела налево, направо и снова налево, а затем двинулась вперед. Ребенок даже не поднял глаз. Позже я прочитала об аксессуаре для детских велосипедов

под названием MiniBrake — он позволяет родителю с помощью пульта управлять тормозом на заднем колесе велосипеда ребенка.

Школа — важнейшее место для интеллектуального развития, но даже дорога туда и обратно стала вызывать беспокойство. Поэтому родители стараются не отходить от своего чада до последнего.

Многие из нас провожают в школу маленьких детей, чтобы с ними ничего не случилось, и часто несут за них вещи. Недавно я улыбнулась при виде папы, который с ярко-розовым рюкзаком на мускулистых плечах ехал на велосипеде из местной школы в трех кварталах от дома за дочкой лет семи-восьми. Это было так трогательно. Но в тот вечер и много дней до и после этого я размышляла: «Когда ребенок становится достаточно большим, чтобы самостоятельно носить свои вещи?» и «Какая степень независимости уместна для младшеклассника?». Наблюдая за родителями в непосредственной близости от начальных школ в своем городке, я захотела выяснить, как далеко можно зайти.

Я побеседовала с мамой по имени Лора, живущей в пригороде Огайо, и она рассказала мне о женщине, которая каждый день ездит со своим сыном-третьеклассником на школьном автобусе. Ребенок вполне здоров и крепок. Еще она рассказала об отце, который едет полтора километра на велосипеде, чтобы проводить дочь в школу и обратно. По описанию он был точь-в-точь похож на того папашу с розовым рюкзаком, только девочка уже училась в шестом классе. Даже когда до школы можно дойти пешком, многие из нас все равно возят детей на машине, несмотря на вред для экологии. Часто родителей не останавливают даже школьные двери.

Я разговаривала со знакомой по имени Эллен Нодельман. Она с 1969 года работает в Rockland Country Day School, полной средней школе (от подготовительной группы до 12-го класса), расположенной в городке Конджерс в штате Нью-Йорк — это через Гудзон напротив Манхэттена. Эллен начинала как учительница английского языка, потом работала завучем и консультантом по поступлению в колледж. За сорок с лишним лет она своими глазами видела, как родителей у школьных ворот и в школе становилось все больше.

По словам Нодельман, половина детей в ее школе ездят на школьных автобусах, а «добрую половину детей, которые *могли бы* приехать на автобусе, привозит на машине кто-то из родителей». Вместо того чтобы просто посадить ребенка, родители младшеклассников иногда заходят в школу, а некоторые хотят пройти прямо в класс. «Мы пытаемся не пускать их

за пределы вестибюля. Если им позволить, они бы сидели со своими детьми целый день. — И добавляет: — Некоторые уже спрашивали».

Кроме того, существуют мобильные телефоны. Это относительно новое явление в общении родителей с детьми, поэтому не телефоны *причина* «вертолетного» воспитания, однако они, несомненно, способствуют уже имеющейся тенденции. Ученые называют их самой длинной в мире пуповиной².

Посмотрите, например, на мать старшеклассника из Беверли-Хиллз, которая настаивала, чтобы сын каждый час посылал ей СМС, когда идет с друзьями на пляж и обратно. Ее пугает не буги-серфинг в Тихом океане, а дорога. Другой родитель позвонил в Стэнфордский университет, потому что дочь целый день не выходила с ним на связь, и он решил, что она пропала. Мама одного студента, который поехал по обмену в Новую Зеландию, в страшном волнении позвонила заведующему кафедрой. Оказалось, ее сын не отвечает на звонки с момента возвращения из похода в горы. При этом она знала, что он уже в кампусе, потому что отслеживала его перемещения по GPS.

Родительская бдительность и технологии становятся буфером между нашими детьми и внешним миром, однако мы не всегда будем стоять на посту. Подготовка ребенка к независимой взрослой жизни — наш биологический долг, а осознание своего «я» в нашем окружении — важнейший жизненный навык. Когда нас так и подмывает защитить ребенка своим присутствием, надо задаться вопросом: «С какой целью? Как совместить профилактику и защиту с обучением необходимым навыкам? Как научить ребенка справляться самостоятельно?»

РАЗДУТЫЙ СТРАХ ПЕРЕД «ОПАСНЫМИ НЕЗНАКОМЦАМИ»

Родители, которые помогают детям переходить дорогу, водят в школу и нажимают за них тормоза на велосипеде, руководствуются желанием оградить ребенка от *несчастных случаев*. Однако нас не меньше беспокоят люди, которые *намереваются* сделать что-то плохое. Чтобы избежать беды, мы учим детей никогда не разговаривать с незнакомыми, присматриваем за играми во дворе, если они еще там играют, почти везде их сопровождаем, а в продуктовом магазине не позволяем далеко отходить. Под удар попали старинные детские ритуалы. Возьмем, например, Хеллоуин. Раньше дети бегали по району и радостно выпрашивали

сладости у соседей и прохожих. А теперь там, где я живу, родители сопровождают даже двенадцати-тринадцатилетних детей. Они ждут у калитки, а потом проверяют все до единой конфетки, чтобы туда не подложили лезвие или иголку. Только потом ребенку можно объесться (на самом деле это тоже уже нельзя).

Вы можете возразить, что за этими предосторожностями стоят реальные факты, однако почти все сообщения о лезвиях и иголках в конфетах на Хеллоуин оказались мистификациями и розыгрышами³. Всеобщая озабоченность по поводу похищений незнакомцами тоже основана на редких происшествиях. Данные свидетельствуют, что страх перед чужаками возник именно после выхода в эфир фильма Adam — мы говорили о нем выше. С тех пор этот страх успел расползтись по Соединенным Штатам и всем остальным англоязычным странам, где его показывали⁴. В начале 1980-х поборники детской безопасности заявляли, что каждый год якобы пропадают сотни тысяч детей. Они сваливали в кучу побег, «похищения» детей родителями, лишенными права опеки, и очень редкие настоящие случаи похищения незнакомцами. Сегодня это безумие подогревается наличием смартфонов и возможностью круглосуточного доступа в интернет, благодаря которому мы немедленно узнаем о любой неприятности, произошедшей с каким-нибудь ребенком в любой точке земного шара. Наш страх подпитывают и СМИ, рейтинги которых благодаря жутким историям идут вверх. Родители по всей стране с сожалением или буднично говорили мне, что детям больше нельзя гулять одним. Почему? «Из-за педофилов». Мы *воспринимаем* нашу страну как опасное место, хотя данные показывают, что уровень похищений детей не выше, а по многим параметрам даже ниже, чем когда-либо⁵.

В 1990 году Министерство юстиции США опубликовало свое первое исследование о «пропавших, похищенных, сбежавших и выгнанных» детях, а в 2002 году — второе, более актуальное, в котором говорится, что за год в стране пропало примерно 797 500 детей*. Всего 115 из них стали жертвами самых опасных, продолжительных несемейных похищений, названных стереотипными, причем 40 процентов были убиты. Хотя с момента проведения исследования прошло некоторое время, можно с уверенностью сказать, что количество стереотипных похищений

* Статистические данные в этой книге отображают положение дел в США, если не указано иное. В какой-то мере их можно считать усредненными и применимыми по отношению к европейским странам.

сегодня не выше, а, вероятно, даже ниже, потому что по статистике ФБР с 1997-го по 2011 год количество пропавших лиц всех возрастов снизилось на 31 процент, и количество убийств, посягательств на половую неприкосновенность и почти всех других преступлений против несовершеннолетних тоже стало меньше⁶.

Давайте посмотрим на эти данные шире. В 2014 году население США составляло примерно 318 миллионов человек, 74 миллиона из которых были детьми. Если 115 детей из них оказались жертвами стереотипных похищений и 40 процентов из похищенных были убиты, получается бесконечно малая доля: незнакомцы виновны в похищении одной сотой процента всех пропавших детей⁷. Остальные 99,99 процента заявленных исчезновений — это ложные сообщения, дети, которых забирали члены семьи, которые сбегали из дома или их из дома выгоняли (родственники не хотели их возвращения). То, что пропадает все больше детей и что большинство пропавших похищают незнакомцы, — просто миф.

Конечно, серьезный вред ребенку — это всегда невыразимая трагедия, и маньяки действительно существуют, хотя большинство из них на момент совершения преступления знакомы с жертвой. Но если шанс, что ребенок погибнет от руки чужака, — один из миллиона, почему в повседневной жизни мы исходим из этого, принимая решения в отношении его перемещений? Как в 2006 году сообщалось в *Palm Beach Post*, за год у ребенка больше шансов попасть под лошадь (1 из 297 000), погибнуть на молодежном футболе (1 из 78 260) или на пассажирском сиденье автомобиля (1 из 17 625)⁸. Надо проявить дальновидность и научить детей законам улицы, а также тому, что лучше ходить с другом, а не в одиночку, и уметь отличать плохих незнакомцев от подавляющего большинства хороших. Если не дать ребенку научиться ориентироваться в мире за пределами лужайки перед домом, это отразится на нем в будущем: на улице он будет чувствовать страх, смущение, растерянность и недоумение.

Конечно, я тоже боюсь. Хотя я знакома с этими данными и знаю правду, мифу об опасности незнакомцев поддалась и я. Помню, как Сойер первый раз возвращался от друга. Ему к тому моменту исполнилось, по-моему, десять, на улице были сумерки, и идти предстояло максимум минут десять по благополучному, спокойному району. Даже осознавая, что страхи сильно раздуты, даже понимая важность воспитания в ребенке независимости, я чувствовала, как колотится сердце, и пришлось

очень постараться, чтобы сосредоточиться на чем-то другом несколько минут, пока мой мальчик не добрался до дома.

В мире происходят ужасные вещи. Но так было всегда, и сегодня неприятности статистически менее вероятны, чем в предыдущие десятилетия. Тем не менее мы слышим плохие новости сразу, где бы они ни произошли. У нас включается эволюционная реакция «бей или беги», но бежать никуда не надо, поэтому организм остается в повышенной готовности.

Эволюционный биолог Роберт Сапольски — специалист по стрессу у человека. В книге *Why Zebras Don't Get Ulcers: A Guide to Stress, Stress Related Diseases, and Coping*⁹, которая выдержала уже три издания, он объясняет, почему вреден страх перед неприятностями, которые всего лишь *могут* произойти.

Если стрессовая реакция активировалась из страха перед опасностью, которая оказалась реальной, можно себя поздравить: когнитивный навык помог вовремя мобилизовать защиту. Предупреждающая защита может быть довольно эффективной, поскольку стрессовые реакции во многом подготовительные. Однако если человек переходит в состояние физиологического волнения и активирует стрессовую реакцию вообще без повода или из-за того, с чем все равно ничего не поделаешь, это называется тревожностью, неврозом, паранойей, излишней враждебностью и так далее.

Таким образом, стрессовая реакция может быть мобилизована не только в ответ на физические или психологические атаки, но и в ожидании их. Больше всего удивляет именно всеобъемлющий характер стрессовой реакции: физиологическая система активируется не только всеми видами физических неприятностей, но и самой мыслью о них¹⁰.

Круглосуточный доступ к потоку новостей со всего мира появился сравнительно недавно, и человеческий организм еще к нему не приспособился. Переизбыток информации *действительно* существует.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЫЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Даже если лично мы не боимся, придется проявлять постоянную бдительность и быть готовым к любым опасностям, чтобы не прослыть нерадивым родителем. Оставленный без опеки ребенок вне дома — такое

редкое зрелище, что сразу возникает мысль, что что-то не так. Может, он потерялся? Или, того хуже, беспризорный? Кто-то может сообщить в полицию или в службу защиты детей.

Дебру Харрелл из Южной Каролины в 2014 году посадили в тюрьму по обвинению в лишении ребенка родительской опеки после того, как она отправила девятилетнюю дочь поиграть в парке, пока сама работала в «Макдоналдсе». Ее выпустили под залог на следующий день, и вскоре она восстановила родительские права в отношении девочки, которую уже успели отправить в детский дом, но дело в Департаменте социального обеспечения не закрыли, и ее ждет судебное разбирательство¹¹.

Писательница Ким Брукс была арестована за то, что в холодный день на пять минут оставила своего четырехлетнего сына одного в машине. Ей пришлось провести больше года в судебных баталиях и отбиваться от обвинений в «содействии преступлению в отношении несовершеннолетнего»¹². На парковке оказался «добрый самаритянин», который снял оставленного ребенка на видео, а затем позвонил в полицию.

Незнакомцы, заметившие сына Брукс и дочь Харрелл, — благородные спасители или паникеры? Ведь с детьми не произошло ничего дурного, а все преступление их матерей заключалось в *потенциальном* ущербе. Это лишь два из более чем дюжины недавно преданных огласке дел, в которых родителям (почти всегда матерям) предъявили уголовные обвинения за поступки, которые не только были нормой всего поколения назад, но и, пожалуй, необходимы сегодня в том смысле, что дети не могут постоянно ходить за нами на привязи. Вероятность, что ребенка убьет родственник, в 20 раз выше, чем шанс погибнуть от руки незнакомца¹³, и тем не менее такие «дружинники», как злые самаритяне, готовы обвинить мать в том, что она в сложных обстоятельствах пыталась действовать наилучшим образом. Мать ребенка, с которым *в реальности* ничего не случилось. Настоящее беспокойство должны вызывать как раз такие «помощники правосудия».

Ленор Скенейзи, борец за «свободный выгул» детей, пытается противостоять этим людям. В конце своей книги *Free-Range Kids*¹⁴ она дает совет для родителей, не возражающих, чтобы их дети были на улице сами по себе: повесить на рюкзак ребенка или приколоть булавкой к футболке бирку, на которой написано: «Я не потерялся. Я ребенок на свободном выгуле!», а затем дать объяснение причин¹⁵. Звучит абсурдно, как антиутопия, однако это практичное профилактическое средство

от вмешательства людей, которых может напугать то, что мы безрассудно позволили ребенку играть в одиночку вне дома. Конечно, бирка на футболке в определенной степени перестраховка, и над ней могут похихикать соседи. С другой стороны, полиция все равно может обвинить нас в нарушении пока еще не написанного закона, определяющего, когда разрешается выпустить ребенка поиграть, а когда запрещено. Как показал опрос, проведенный в 2014 году после дела Дебры Харрелл, 68 процентов американцев считают, что девятилетнего ребенка не следует оставлять в парке без присмотра, а 43 процента думают так же и о двенадцатилетних детях¹⁶. Остальные с этим не согласны.

У таких родителей, как Брукс, по крайней мере есть деньги и свободное время, чтобы углубляться в хитросплетения судебного процесса, разбираться со службой защиты детей и платить штрафы. А как быть бедным родителям, рабочему классу вроде Харрелл? Она зарабатывала восемь долларов в день и вынуждена была оставлять дочь в парке на время работы как раз *из-за того, что* не могла позволить себе детский сад или летний лагерь. Такие неразрешимые конфликты возникают регулярно. Вторжение полиции в личную жизнь пугает¹⁷, и здесь проявляется настрой против работающих женщин — не знаю, явный или скрытый, но не сулящий ничего хорошего. И я точно знаю — как будто испытала это на себе, — что и Брукс, и Харрелл перенесли психологическую травму, которую невозможно измерить.

А каково детям, которые видят, что решения их родителей публично оспаривают? Каково детям, которых забрали из семьи, пока их мать боролась с системой правосудия? В некоторых обстоятельствах это само по себе горе. Что думать такому ребенку?

У меня в Стэнфорде работала женщина по имени Аманда — она координировала исследования для этой книги. Они с мужем живут в сельской части Кремниевой долины и воспитывают двоих сыновей. Старшему, Роланду, четыре года, и он очень активно все пробует и развивает независимость. Обычно Аманда с удовольствием позволяет ему проявить самостоятельность, например положить белье в стиральную машину и сушилку или помочь что-нибудь приготовить.

Недавно Роланд несколько раз спрашивал, можно ли ему оставаться дома или в машине, а не ходить с мамой, если ей надо быстро отлучиться. Аманда уверена, что он более чем способен спокойно подождать и ненадолго занять себя без постоянного присмотра родителей и других

взрослых. Однако, учитывая, как часто «беспечные» матери в последнее время попадают в новостные выпуски, ей пришлось объяснить сыну, что другим людям и полиции это не понравится, и у семьи могут возникнуть проблемы.

Роланд громко рассмеялся и заявил, что ничего плохого он делать не собирается, поэтому его не «поймают». Тогда Аманда объяснила сыну, что все наоборот: незнакомцы и полиция подумают, что это *она*, родитель, поступает неправильно, оставляя ребенка одного, потому что решат, что без присмотра взрослых он в опасности. Роланд с недоверием посмотрел на нее и сказал: «Почему они не понимают, что я умею хорошо себя вести, я осторожный, и со мной все будет в порядке?»

Может быть, маленький Роланд летом 2014 года слышал передачу по National Public Radio, в которой рассказывали, что в Японии семилетние и даже четырехлетние дети часто сами ездят в метро¹⁸. После этого репортер на одном дыхании заявил, что в Соединенных Штатах «кто-нибудь вызвал бы Службу защиты детей». Мы теперь понимаем «пренебрежение» так широко, что родителям нельзя определять, когда ребенок уже готов к скромной самостоятельности, и из-за страха перед чужаками жертвуем навыком, важным для развития личности. Можно отмахнуться от сумасшедших японцев, но на самом деле безумцами выйдим мы, американцы, когда с назойливым упорством требуем, чтобы за детьми непрерывно присматривали и сопровождали их. Если на секунду задуматься, в этом есть какая-то жестокая ирония: *неизученный* вред сегодня возникает как раз из-за того, что дети растут с *уверенностью*, что чужак на улице, знакомый продавец в продуктовом магазине или, того хуже, сосед, который дарит конфетку на Хеллоуин, желают им зла, а собственные родители могут подвергнуть их опасности.

СКРЫТЬСЯ ОТ ЧУЖИХ СТРАХОВ

Постепенно свыкаясь с желанием чрезмерно защищать своих детей — Сойера и Эвери, я начала ждать, когда они станут студентами, и представляла себе, какую уверенность в себе они к тому времени обретут. Я решила сосредоточиться на том, чтобы дать им больше возможностей проявить независимость уже в детстве, и начала подталкивать их к самостоятельности.

Я занимаюсь этим уже несколько лет. Вот недавний пример. Однажды вечером, когда мы мыли посуду после ужина, Эвери, которая училась в седьмом классе, сказала, что они с девочками решили встретиться вечером в школе, чтобы украсить шкафчик еще одной подруги, у которой завтра будет день рождения. Несмотря на вечерний час, я была совершенно не против, чтобы она поехала в школу на велосипеде — это всего 500 метров, и живем мы в безопасном пригороде. Более того, я сказала, что *хочу*, чтобы она поехала сама, потому что ей надо учиться самостоятельности. Однако маме одной из подруг Эвери очень не понравилось, что моя дочь поедет одна на велосипеде в темноте. Она предложила подвезти ее туда-обратно. Эвери написала подруге СМС: «Спасибо, но я с удовольствием прокачусь на велосипеде». После дальнейших возражений Эвери пояснила: «Мама *хочет*, чтобы я поехала сама!» Но страх победил: мама подруги уже заехала за третьим ребенком и без проблем могла к нам заглянуть. Отказавшись, мы выглядели бы как какие-то безумные, преступные отщепенцы. Я стояла, вытирала руки кухонным полотенцем и размышляла, как тут растить ребенка, если страхи окружающих ее сковывают. А еще я чуточку волновалась, что подумали обо мне другие родители.

На встрече с небольшой группой родителей в Северной Виргинии одна из собравшихся, Эми, выразила схожее опасение: «Чувствуешь себя как отчаянный, ненормальный бунтовщик. Почему-то считается, что вокруг очень опасно, хотя на самом деле стало как раз спокойнее». Однажды Эми разрешила своей одиннадцатилетней дочери пойти вечером домой одной с собрания скаутов, но вожатая не согласилась. «Она же девочка! — потом говорили Эми подруги. — Разве можно ее отпускать одну?» Эми хочется научить свою дочь быть умной, чтобы та не выглядела как жертва. Чтобы у нее на лице было написано: «Мне все нипочем».

На каникулах перед восьмым классом Эвери начала ездить в лагерь в Сан-Франциско — это час на электричке. Я знала, что ее надо научить такому выражению лица, и научила. Сначала мы три дня ездили по этому маршруту вместе, а потом она поехала сама. Как и в день, когда Сойер впервые сам пришел домой от друзей, у меня сердце вырывалось из груди. Но когда дочь вернулась, по ее уверенному виду мне стало ясно, что за день она повзрослела на год.

Конечно, даже родители, которые стараются подтолкнуть ребенка к самостоятельности, тоже боятся. «Я восхищаюсь дамой, придумавшей

«свободный выгул» (Ленор Скенейзи), — призналась Эми. — Но никто не хочет оказаться в вечерних новостях, потому что из-за него произошло что-то ужасное». Я согласна: сложно идти по минному полю нашей культуры. Мы говорим о больших страхах и вытекающем из них всеохватывающем контроле, но на самом деле нужно задать себе вопрос: «Сколько свободы нужно развивающемуся человеку?»

ПОТЕРЯННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РОСТА

Одно из красноречивых проявлений сдвига в отношении к здоровью и безопасности наших детей — это изменение взглядов на услуги нянь. Когда мне было девять или десять лет (конец начальной и начало средней школы), я начала присматривать за детьми у себя в Северной Виргинии. Меня приглашали для дневного дежурства — в некоторых общинах эта работа называлось «помощница матери». Я несколько часов сидела с ребенком (или детьми), готовила перекусить, развлекала их, укладывала спать, отвечала на телефонные звонки и открывала дверь, если кто-то приходил. К 12 годам я регулярно по вечерам в выходные работала няней в одной семье и получала за это минимальную зарплату. Сегодня Национальная кампания SAFE KIDS рекомендует не оставлять дома детей до 12 лет и, уж конечно, не поручать им заботиться о младших¹⁹. В 14 штатах ввели правила, четко определяющие минимальный возраст, начиная с которого ребенок может остаться дома один: от 6 лет (Канзас) до 14 (Иллинойс), в среднем 10 лет²⁰. Хотя ни в одном штате нет законов в отношении минимального возраста няни, общее правило во многих районах — 14–16 лет. (Как ни странно, в 30 штатах шестнадцатилетним можно жениться и выходить замуж без согласия родителей. В остальных минимальный возраст вступления в брак составляет 17 и 18 лет.)

Свобода, которой пользуются сегодня американские дети, сжимается до доли от прав их родителей и еще меньшей доли от свободы их дедушек и бабушек. Нам, видимо, хочется подготовить наших детей до конца дней жить в радиусе километра от нас, а умения, которые дает растущая самостоятельность, никого не интересуют.

Даже Girl Scouts of America — эти продавщицы мятного печенья в зеленых жилетах — предпочли безопасность самостоятельности. Их официальная инструкция теперь гласит, что взрослые должны в определенной степени участвовать в продаже печенья, даже если скауту

18 лет²¹. Я никогда не видела, чтобы кто-то присматривал за такими взрослыми девушками, зато много раз наблюдала, как девочки среднего школьного возраста пассивно сидели и улыбались, а их родители выдавали сладости и принимали деньги. Не беспокойтесь — свой значок они все равно получат! Правда, непонятно, за что.

ЗАЩИТИТЬ ИХ ЧУВСТВА

Давайте поговорим о значках. Поколение миллениума прозвали поколением «призов для всех и каждого». На то есть очевидная причина. В ложном стремлении не задеть чувства детей родители стали награждать их за любое, даже самое незначительное усилие. С 1980-х годов маленьких американцев осыпают значками, сертификатами, лентами и призами за *участие*, как будто просто явиться на мероприятие — уже достижение, которое стоит отметить пергаментом, пластиком или кусочком металла.

Мы неуменно хвалим детей за все. От малышей, которые слышат возгласы «Потрясающе!», стоит им нарисовать человечка из палочек, до громкого «Молодчина!» на школьной бейсбольной площадке — достаточно просто замахнуться, попасть не обязательно. Мы аплодируем даже самым посредственным усилиям («Надел ботинки? Какой умница!») и раздаем сомнительные комплименты («Какой ты молодец, что не ударил Билли!»)²². Должны ли дети получать какие-то награды и призы за банальные достижения? Может быть, как думают некоторые, мы просто показываем безусловную любовь?²³ Другие считают, что из-за этого дети не понимают, что такое совершенство, и даже через много лет, уже на рабочем месте, уверены, что признание и бонусы им просто положены.

Аманда Рипли, автор вышедшей в 2013 году книги *The Smartest Kids in the World*, посвященной сравнению результатов в учебе американских и зарубежных школьников, считает, что движение «приз для всех», также известное как «движение самооценки», мешает хорошо учиться и становится причиной плохих рейтингов США в международных стандартизированных тестах²⁴. В 1980-х годах «американских родителей и учителей бомбардировали утверждениями, что самооценку детей обязательно нужно защищать от конкуренции (и реальности)». В итоге, как говорит психолог Хара Эстрофф Марано в отчаянном протесте против того, что она называет инвазивным воспитанием, получилась «нация слабаков»²⁵.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ЯРЛЫКОМ «ХУЛИГАН»

Бывает, что дети действительно преследуют сверстников. Когда мой крестник учился в восьмом классе, группа старшеклассников приставала к нему на Facebook и называла геем. Это было жестоко. Когда имеет место запугивание, нужно, чтобы родители и другие защитники помогли ребенку выпутаться и оправиться от потрясения.

Однако, как пишет Сьюзан Портер в книге *Bully Nation*²⁶, во многих случаях родители называют запугиванием нормальные для развития и социализации ребенка ситуации (пусть и досадные, на которые очень тяжело смотреть). В культуре, где ребенка, который огорчает сверстника, легко можно обозвать хулиганом, любой школьный руководитель очень озабочен обвинениями, которые родители бросают чужим детям. Портер призывает родителей и работников образования избегать ярлыка «хулиган» и вместо этого помочь детям выработать стойкость, чтобы справиться в будущем с жесткими вызовами общества.

Олаф (Оул) Йоргенсон — директор Almaden Country School, частной средней школы (с четвертого по восьмой класс), расположенной неподалеку от меня в калифорнийском городе Сан-Хосе. Он более 25 лет работал учителем и администратором как в государственных, так и в частных школах Сиэтла, в Калифорнии, на Гавайях, в Mesa Unified — крупнейшем школьном округе Аризоны, — а также в школах Азии, Европы и Латинской Америки.

«Приставание — проблема в любой школе, — говорит мне Оул. — Так было всегда и, наверное, всегда будет. Но *настоящая* травля — намеренная изоляция человека, систематические оскорбления и унижения в течение определенного периода — сегодня встречается не чаще, чем когда я начинал карьеру четверть века назад. Обвинения, которые родители бросают «хулиганам», часто не имеют под собой почвы, а иногда просто абсурдны. Разумные люди, которые любят собственных сыновей и дочерей, начинают очернять и *криминализовать* поведение других детей уже в начальной школе и даже в детском саду. Это меня беспокоит и глубоко огорчает». У Оула мягкий голос, я даже по телефону слышу, как он озабочен. «Сотрудники, которые работают с детьми, — продолжает он, — понимают, что агрессия по отношению к другим уместна в ходе развития. Да, это подло, неприятно, и родитель инстинктивно хочет вступить. Однако дети должны научиться выдерживать такие вещи. Называя чужого ребенка, особенно *маленького*, хулиганом, вы

приписываете ему намерения, которых тот просто не может иметь на своем уровне развития».

Оул считает, что с повальной склонностью видеть везде запугивание важно справиться не только ради обвиняемых, но и ради обиженного ребенка. «Если вы вмешиваетесь и вступаетесь за своего ребенка, он становится жертвой. Вы как будто говорите ему: «Ты не справишься, ты слишком слабый, чтобы разобраться самостоятельно, я должен решить проблему за тебя». По сути, вы отбираете у него возможность влиять на ситуацию».

Директор приводит несколько примеров: «Однажды я дежурил на спортплощадке рядом с полем для игры в квадрат*. Вдруг ко мне подбежал заплаканный второклассник с мячом в руках. За ним угрюмо шла девочка. Я присел, погладил паренька по плечу и спросил, что случилось. «Она хулиганка! Пристает ко мне! — пожаловался мальчик. — Она сказала, что мяч вне игры, а он был в игре! Я сам видел!» Где семилетний ребенок только нахватался таких слов?» — спрашивает Оул с ощутимой грустью в голосе. Ту ситуацию он использовал, чтобы научить ребят, как «переиграть» заново. Но она показывает, что ярлыки «хулиган» и «жертва» просочились даже в сознание наших детей.

А родительское недопонимание этих терминов вызывает и смех, и слезы. Вот другая история Оула: «Пару лет назад родители новичка, третий день учившегося в нашей школе, потребовали встречи со мной. Их беспокоило “серьезное преследование” в подготовительной группе. Преследование в *подготовительной группе*? Я встревожился, немедленно их пригласил, достал записную книжку и буквально обратился в слух. Оказалось, ребенка в песочнице стукнули по голове пластмассовой лопаткой. Родители хотели знать, известно ли мне об этом инциденте. Я ответил, что нет. Потом я выяснил, что воспитательница все видела, немедленно подошла, отдельно поговорила с обоими детьми, потом свела их вместе, чтобы обидчик извинился, и отправила их побегать. До конца перемены они весело играли вместе. Другими словами, ситуация была разрешена правильно. Однако родители требовали принять меры. Они хотели, чтобы чужого ребенка (которого они постоянно называли хулиганом) перевели в другой класс с дисциплинарными последствиями,

* Игра в мяч на поле, которое представляет собой начерченный на земле или асфальте квадрат, разделенный на четыре меньших квадрата, каждый для отдельного игрока. В центре поля рисуется круг, предназначенный для подачи.

и даже предложили устранить его от занятий или исключить из школы. Речь о *дошколятах*, которые под присмотром взрослого воспитателя лепили куличики в песочнице! Что мне было сказать этим людям? — риторически спрашивает Оул. — Я даже не знал, с чего начать». В тот раз он нашел слова, чтобы убедить родителей, но проблема остается в школах повсеместно.

ОТ ГРЕХА ПОДАЛЬШЕ. НА ИГРОВОЙ ПЛОЩАДКЕ

Детские площадки кажутся просто средоточием угроз — несчастные случаи, похищения, плохие дети, — поэтому, если туда заглянуть, можно застать много родителей, готовых предотвратить все эти напасти. Еще мы, американцы, любим комментировать и хвалить игры. Об этом пишет Памела Друкерман в книге *Bringing Up Bébé*^{*}, в которой она сравнивает американское воспитание с французским. Во Франции очень ценят самостоятельные, независимые игры, поэтому взрослые скорее будут сидеть в сторонке и болтать²⁷. Друкерман считает, что постоянное подбадривание и похвалы утомляют и детей, и родителей и только мешают играть.

Когда Сьюзан Лукас переехала с двумя маленькими детьми из Филадельфии в Швейцарию, то была шокирована разницей в отношении к детским играм. Когда она впервые отправилась с пятилетней дочерью на швейцарскую игровую площадку, ее поразило, что между деревьями протянуты канаты, чтобы по ним лазать, и лежат доски, гвозди и молотки, чтобы строить дома на деревьях. Лукас ни на шаг не отходила от своего ребенка и с ужасом наблюдала, как та играет с этими кошмарно опасными предметами. Потом она огляделась и поняла, что кроме нее взрослых на площадке нет. «Нет, родители не сидели с книгой на скамейке, — рассказывала мне Сьюзан. — Я была там *вообще одна*»²⁸.

Американские родители и воспитатели активно участвуют в играх: раскачивают качели, стоят у шведской стенки или рядом с горкой и готовы подхватить падающего ребенка и предотвратить любую царапину — так мы с мужем страховали Сойера. Психолог Уэнди Могель пишет о важных жизненных уроках, которые дают пробы и ошибки, в книге *The Blessing of a Skinned Knee*²⁹. Но в XXI веке американские родители,

^{*} Друкерман П. Французские дети не плюются едой. Секреты воспитания из Парижа. М. : Синдбад, 2015.

видимо, полагают, что дать «хорошее» и «успешное» воспитание — значит полностью избавить детей от малейшей, даже кратковременной боли.

Игровые снаряды в США стали безопасными, и вместе с тем дети оказались полностью лишены возможности проявить творчество, поэтому многие из них откровенно скучают. Асфальт и гравий уступили место резиновому или синтетическому покрытию, призванному смягчить падение. На смену дереву пришел разноцветный пластик. Почти везде убрали элементы, в которых может застрять голова или палец. Ханна Розин в статье *The Overprotected Kid*, вышедшей в журнале *Atlantic*, среди всего прочего предлагает нам взглянуть для сравнения на современную игровую площадку в Северном Уэльсе, которая больше похожа на городскую свалку — и при этом доставляет детям колоссальное удовольствие. Статья Розин распространилась в соцсетях, как лесной пожар, потому что читатели увидели, насколько изменились игровые площадки, а с ними развлечения и, наверное, само детство. «Новые игровые площадки безопасны, и именно поэтому никто ими не пользуется», — сетует заголовок еще одной недавно вышедшей статьи³⁰. Сегодня дети скорее предпочтут поиграть в помещении, вокруг какого-нибудь цифрового устройства³¹. Тем временем в 2012 году очень солидный журнал *Pediatrics* сообщил, что ожирение быстро вытесняет травматизм как ведущую причину детской заболеваемости, и эти изменения отчасти связаны с заботой о безопасности, которая убила разумную игру на площадке³².

УЧЕБА ЗА ГРАНИЦЕЙ — С РОДИТЕЛЯМИ

Тим Бартон — директор отдела по делам студентов в колледже глобальных исследований Университета Аркадии, расположенного недалеко от Филадельфии, в Гленсайде. Этот вуз каждый год отправляет за рубеж три тысячи студентов, причем не только своих: подавляющее большинство участников программы приходят из более чем трех тысяч американских колледжей и университетов. Я поговорила с Тимом ближе к концу весеннего семестра 2014 года.

Студенты, поехавшие учиться за границу от этого вуза, в основном довольны. И тем не менее, когда они отправляются в путешествие, у очень многих родителей возникают различные ожидания и тревоги, и именно Тиму приходится их выслушивать. Я попросила его рассказать о типичных случаях.

В ответ он поделился историей о студентке, которая поехала учиться в Лондон. В день отъезда, в пять утра по местному времени и десять по лондонскому, Тиму позвонил отец девушки. Оказалось, что дочь не вышла на связь. «Скажите мне, что ней все в порядке! — орал в трубку родитель. — Я должен это знать!» Тим немедленно вышел в интернет и проследил полет. «Сэр, — сказал он. — Ваша дочь, вероятно, еще не успела пройти пограничный контроль и таможню. Мой персонал на месте, но они встречают сотню студентов — пока невозможно найти именно вашу дочь». Отец был вне себя от ярости. «Это просто неслыханно! Вы все мошенники!» — крикнул он и бросил трубку.

Тим, который даже не успел встать с постели, связался с Лондоном, предупредил о возникшей ситуации и попросил сообщить ему, когда девушка отыщется. Когда он оделся и собрался позавтракать, снова позвонил отец. «Все в порядке, она на месте, — тихо и с облегчением сказал он и вздохнул. — Она обновила статус на Facebook».

Потом он посмеялся над тем, как оценивает теперь друзей дочери, и вскоре повесил трубку. А Тим думал: «Он хоть понимает, что буквально час назад мне угрожал? Осознает, что бросал неуместные, грубые обвинения?» Отец студентки не извинился, но Тим все равно простил его. «Родители желают своим детям добра, — говорит он. — Они неплохие люди, просто они боятся. Мой долг — помочь им разобраться в ситуации».

Если подумать, мы волнуемся, когда дети не отзываются, исключительно потому, что появилась возможность постоянно быть на связи. Всего каких-нибудь 10–15 лет назад такая проверка была невозможна. До появления сотовых телефонов дети не могли позвонить домой с пляжа. Из колледжа звонили максимум раз в неделю (с таксофона в вестибюле общежития, и только когда тарифы на междугороднюю связь были выгоднее всего). Отправившись учиться за рубеж, они писали *письма* и лишь периодически звонили домой. Но если *можно* постоянно быть на связи, значит ли, что это *необходимо*? Так ли это хорошо?

Помните безграничную свободу, когда студенты собирались и ехали на футбольный матч в другой город, на пляж на весенние каникулы или послушать выступление инди-группы в какой-нибудь дыре? Куча друзей набивалась в маленькую машину, потом на «камень-ножницы-бумага» выбирали водителя, слушали музыку и ели и пили то, что удавалось найти. Это было в порядке вещей. Летом после второго курса я за одни выходные проехала из Вашингтона через Теннесси в Висконсин

и обратно, чтобы побывать на ежегодной дворовой вечеринке под названием Hammerfest, которую устраивал один потрясающий парень. (Это вполне можно назвать безумной влюбленностью.)

Такое случается и сегодня, но, как правило, родители «пасут» студентов по телефону. Какое это приключение, если в мобильном телефоне накапливаются сообщения и неотвеченные звонки, и проще выйти на связь, чтобы не пугать родственников? *Слава богу, что есть Facebook. Даже если ребенок игнорирует постоянные мольбы о внимании, можно хотя бы посмотреть обновление статуса и понять, что он цел и невредим.*

Конечно, мы вздрагиваем даже от *воображаемых* угроз и обязаны обеспечить детям безопасность. Но нельзя не заметить, что гипер-бдительность во многом лишает их заслуженной свободы, которая к тому же готовит их к взрослой жизни.